

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1.

Первой в редакцию приходила уборщица, тетя Даша, но Степан к тому времени уже не спал. Его чуть свет будили гулкие шаги по железной лестнице – это шли посетители в облсобес. Редакция находилась в старинном купеческом особняке. Это было двухэтажное здание с балкончиками полукруглой формы, с лепными фигурками на фронтоне. Железная лестница завершалась на втором этаже темной и гулкой площадкой. Слева – вход в молодежную газету, справа – в облсобес.хлопотное соседство. Не добившись своего в правом крыле, посетители шли в левое. Положение создавалось щекотливое: не помочь нельзя, потому что шли в основном старики да инвалиды. Но беда в том, что возможности молодежи ограничены – она если и затрагивает

высокие инстанции, то осторожно, обиняком, не называя партийных функционеров таковыми, а, скажем, «один из руководителей»... Вообще, больше приходилось просить, а не нажимать.

Табличку с названием газеты, как и положено, прикрепили у входа в здание, но, чтобы клиенты собеса не ошибались адресом, пришлось точно такую же повесить и на втором этаже. Степан, кроме того, приклеил к двери листок со словами: «Товарищи! Пожалуйста, не шумите. Вы мешаете работать».

Редакционные подшучивали над ним: «Ну что, помогло?! А не снять ли тебе кабинет у соседей? По крайней мере, будешь знать, что в шесть – подъем...» Ответсекретарь Слава Пухов с издевкой цитировал Евтушенко: «Граждане не хотят его слушать, гражданам бы выпить и откусать...»

Им хорошо было шутить, а он уже забыл, когда высыпался. Редкий вечер выдавался без того, чтобы кто-нибудь не остался в отделе после работы. Трепались, играли в пинг-понг, гитарили, взбадривая себя дешевым вином. Работали-то здесь люди молодые. В основном. Редакция была как бы квартирой общего пользования. Стоило кому-то поссориться с женой или же холостяку некуда было приткнуться с девушкой – все шло сюда. Да к этому располагало и само здание, его, так сказать, неофициальный вид, более подходящий для музея. Уже который год редакцию собирались переводить, да все откладывали, и жизнь во времянке создавала особый колорит.

Слава Пухов балагурил: «Ты, Приходько, у нас прислуга за все, – помнишь, Паниковского у Остапа Бендера? Имеешь право требовать повышенный гонорар, но при условии, что сдашь энное количество строк!» Считать строки давно перестали в других газетах, но Слава, усмехаясь, отмахивался: «Вот переедем и перестану...» У Степана как раз с этим делом было не ахти. Да и неприятно, что тебя, единственного в редакции, хотя и в шутку, называют по фамилии, как бы давая понять, что ты не в штате, неполноценный.

Диван сельхозотдела после многолетнего употребления стал жестким, угловатым, качалка под головой провалилась, пружины врезались в ребра.

Тетя Даша, начинавшая уборку с редакторского кабинета, старалась не шуметь, но постепенно втягивалась в работу, и то позвякивала совком о ведро, то двигала столы и стулья. Степан, проснувшись, вспоминал, что надо идти во двор рубить дрова, носить уголь. Он привык к этому занятию, и уборщица была довольна своим помощником. В редакции всегда в зимние месяцы стоял запах гари. Сотрудники поругивались, редактор отмалчивался. Тетя Даша грозилась уйти, говоря, что «все руки пообрывала с ентими ведрами да охапками дров, а как получать, дак на тебе, Дарья, семьдесят рубликов и пляши!» Уборщица была пожилая, с круглым широким лицом, носила валенки, плюшку, повязывалась до бровей теплым платком, под которым была еще и белая косынка. Любила

покрикивать. Зять у нее был геологом, и она приговаривала: «У мне, что тут, что дома завсегда полно гавриков! Знай ходи за ними да ставь яичницу...» Степана она приняла, как родственника. Сама еще недавно деревенская, расспрашивала его о матери, о сестре. «Ну и работал бы на тракторе али там на комбайне, парень ты видный, крепкий, чего тебе корчиться? Ну, иные, кто и делать-то ничего окромя не умеют, сидять — чернила переводють, а ты бы...» Она проводила тяжелой ладонью по его длинным прямым волосам с желтоватым отливом: «Ишь, отрастил, как вроде городской...» – «А то ж не городской?!» – обиженно отвечал Степан.

Иногда уборщица вытаскивала из старой сумки четвертинку. Они редко бывали в продаже, но она запасалась ими. «Мои-то гаврики мимо рта не пронесут! А поставишь маленькую, глядишь, и выпьют меньше...» Наливала граммов сто Степану, пригубливая сама, и они вместе завтракали постоянной жареной картошкой, благо плита работала исправно. Потом она уходила, и Степан оставался один. Он сидел за столом, глядя на мучительно чистый лист бумаги, – надо было чем-то его заполнять. И этот, и другие листы – множество... Да не как-нибудь, а с толком... Сегодня, завтра, послезавтра... А для чего? Да для того, чтобы тысячи людей, мельком прочитав или даже не читая, выбросили или сожгли твой труд. А может, в его теперешнем состоянии виновата погода? Февральская оттепель, слякоть. Испытательный срок подходил к концу, а он еще не выдал ни одного стоящего материала.

Перед уходом в армию он был комсомольским секретарем в своей Старице. Однажды его попросили написать заметку в молодежную газету о выпускниках, остающихся в колхозе. Потом пошла статейка о молодых механизаторах. Он и сам работал в колхозной мастерской. Черт его дернул после демобилизации отослать в ту же газету что-то вроде очерка о новом главном агрономе.

2.

Луг был весь в промоинах. Чтобы попасть к реке, надо петлять, и он петлял, добираясь до «штанов» – так называлось слияние Старицы

с Донцом. Лежал на горячем песке, щуя глаза от солнечных зайчиков. Заросли куги, метелки камыша, лодки, приткнувшиеся к берегу или выгашенные на песок. Сосновый бор подступил к воде. Когда-то вся Старица лежала в бору, теперь здесь остались отдельные островки леса. В полдень сильны были запахи хвои, мокрого песка, влажной травы и полусгоревших головешек в центре рыбацкого костра. Все это было знакомо с детства, но как-то воспринималось не сознательно. После двухлетней разлуки он с удовольствием, даже с наслаждением, поглядывал на крутой противоположный берег, поросший густым лиственным лесом. Далеко на горизонте зелень деревьев незаметно переходила в небесную размытую голубизну.

К реке на велосипедах приезжали мальчишки, ловили удочками карасей, звонко перекликались и, орудуя одним веслом, лавировали между извилистыми берегами или купались до посинения, а потом собирали для утят ряску и, набив ею мешки, уезжали домой.

Степановы дружки и ровесники появлялись к вечеру. У них были продубевшие от солнца и ветра лица, мускулистые фигуры. Девчонки повзрослели и чуть ли не все казались красавицами.

Степан был на распутье – оставаться работать в колхозной мастерской – в зимние месяцы, а в сезон садиться на трактор или на комбайн? А может, попробовать свои силы в газете, куда его приглашали? Решил вкусить городского хлеба.

Заведующим отделом сельского хозяйства областной молодежной газеты работал Ваня Волков. Степан кое-что о нем слышал. Этот молодой уже человек был единственным в области, кто пошел против течения, отстаивая перспективные деревни. И еще: у всех на памяти был его очерк о том, как перед самой Курской дугой немцы принялись спешно вывозить русский чернозем в свой фатерланд. Однажды старик, работавший вместе с тысячами других на погрузке земли, с усмешкой заметил: «Недаром он землю нашу ворует, видать, надумал драпать!» Кто-то донес в комендатуру, и старика расстреляли. А конец у этой истории был почти былинный: немногочисленные партизаны (где им было прятаться в этих полустепных местах?)

пустили под откос эшелон с родимой землей! Ваня сам был ранен во время нашего артобстрела, хромал, ходил с костыликом. Он был живой достопримечательностью города.

Мать, узнав о решении Степана, всплеснула руками:

– Опять из дому, сынок...

– Да что ты, мам, тут же рядом, каждую субботу-воскресенье буду приезжать.

– Как знаешь, сынок, а только устроился бы тут, и жили бы кучно, люди вон теперь по две коровы держат.

– Ну, зачем они нам, две коровы?

Сестра, Тонька, в прошлом году окончила школу, попыталась поступить в областной пединститут, не получилось, и она махнула рукой. У нее тут завелся женишок. Крепкая, с толстой русой косой, она заранее покупала тряпочки для будущих детей и на насмешки брата отвечала, смеясь:

– А чего?! Я женщина, баба... Мое дело рожать...

– А если нарвешься на пьяницу, мало их тут?

– Это я-то? – с придыханием возразила Тонька. – Я из него разом дурь выбую! – И повела налитыми плечами.

Две недели до отъезда в город Степан запасался на речке камышом, потом с друзьями подновлял крышу. Привез матери угля, напиллил и наколол дров, сложил в поленницы.

Отец ушел от них, когда Степану было семь лет, он как раз собирался в первый класс. С Сахалина пришло письмо с обещаниями высылать им деньги. И вправду, пошли переводы. А года за два до Степановой армии отец прислал фотографию и приглашение сыну и дочери погостить. А если Степан захочет подзаработать, то отец может взять его «в моря» на путину. На фотографии рядом с отцом стоял большеротый мальчик лет шести. На обороте было написано: «Это Сеня». Мать вытирала слезы, рассматривая фотокарточку, но когда Степан попытался порвать ее, она запретила: «Что ты, сынок, разве ж дите виноватое?!» Потом пристроила фотографию к портрету, на котором была снята с отцом в день свадьбы.

С самого начала работы Степана в газете Ваня Волков стал задерживаться вечерами в отделе. Был слух, что у него нелады с женой. Новому

сотруднику не то, чтобы разрешили жить в редакции, просто никто ему этого не запрещал. Ваня обычно припасал бутылочку дешевого вина, чаще «Яблочного», и они сидели, говоря о том о сем, но в конце концов разговор всегда сбивался на деревню.

Однажды под легким хмельком Степан рассказал своему заведомому об отце и о фотографии, присланной с Сахалина.

Ваня вскочил и, припадая на левую ногу, стал быстро ходить, выкрикивая:

– Вот, видишь, что значит русский человек! Она ему все простила, она уже жалеет этого мальчика. Да чего там! Вон в моей Корытовке в одном доме живут две старые женщины – баба Вера и баба Ксана. Так вот у них был один муж на двоих! Как, говоришь? Да так... До войны он жил с бабой Ксаной, ну, тогда она была молоденькая... А потом ушел к бабе Вере – само собой, она тоже была молодая... Жили-то в одном коридоре, а мужиков было, сам знаешь, раз-два и обчелся. Смолоду стоял шум, волосы трещали, а с годами подзатихло. Ну, а когда похоронили своего благоверного, и вовсе сдружились, к тому же у обеих дети, родные по отцу... Такие, брат, дела.

В это время, – а был конец сентября, на улице ветрено, темно, – в отдел вошел Слава Пухов.

– А, голубчики-купчики! Ты, значит, Славик, шатайся себе по городу без пристанища, а они сидят тут в тепле да философствуют о высоких и низких (кивок на бутылку) материях. Налей-ка, Ванюша, для сугрева граммалечку! Небось все свои деревеньки медом обмазываете?

Слава снимал джинсовый плащ, оглаживал светлый хохолок и, щуря свои безбровые глазки, снисходительно поглядывал на приятелей. И еще он по привычке фальшиво насвистывал – фальшиво, но уверенно, и поправлял галстук.

Слава такой модник, что и при мужчинах охорашивается. Он привык вышучивать все и вся и при первом же знакомстве со Степаном пропел на цыганский лад, но, конечно, фальшиво: «Брошу серьги, брошу бубны, пойду в шумный город жи-ить!»

Парень он был вроде и компанейский, хотя и ухитрялся никому не быть обязанным: посидит, побазарит, выпьет, кстати, не меньше других, но

очень тонко чувствует тот момент, когда нужно подняться и отойти в сторонку.

– Вот послушай-ка! – Ваня принялся рассказывать ему историю со Степановым отцом и с фотографией.

Слава спокойно допил вино, облизнул полные губы и умильно провел ладонью по намечающемуся брюшку.

– Русская душа! Ты, товарищ мой, не попомни зла-а!.. Так?

– А пошел бы ты, шут гороховый! – Ваня замахнулся на него костыликом.

– Ухожу, братья во Христе, ухожу. Да и вам не пора ли баиньки, а то кое за кем еще числится должок, а испытательный срок-то на исходе...

3.

Незадолго перед тем был принят на работу в отдел комсомольской жизни выпускник Тартуского университета Сергей Раскатов. Он сразу же спелся с ответсекретарем – спелся в прямом и переносном смысле. В редакции появилась новая гитара. Новичок крутил на ней восьмерку и все пел, пел... Был он странно конопат, даже на кистях рук что-то наподобие рыбьей чешуи. Одевался с иголки, вообще, выглядел фраером почище Славы, но, в отличие от пустомели ответсекретаря, выдавал отличные материалы. Ирочка Платонова, секретарь-машинистка редактора, томная красавица, сразу после школы выскочившая замуж за майора старше себя лет на пятнадцать, с первого же дня завела с Раскатовым игривые отношения. По вечерам можно было услышать, как они там веселятся в Славином кабинете.

Тетя Даша делилась со Степаном своими наблюдениями:

– Нет, ты погляди, как обнаглели-то, а?! В других редакциях и диваны давно поубирали, чтоб баловства не было, а тут, господи прости... А бутылки-то, бутылки! Все коньяки да шампанские... Он что, миллионщик у вас, новенький-то ентот?.. А майор, дурья башка, чего себе думает?

Раскатов с самого начала стал относиться к Степану высокомерно и снисходительно. Однажды Степан неудачно съездил в очередную командировку – не мог «организовать почин»:

вчерашний пэтэушник сгоряча изготовил сто сорок шайб вместо ста по плану, партком и комитет комсомола сразу раздули это дело и призвали рабочих области последовать примеру бедного пэтэушника... Степану так и не удалось его увидеть: парня «съели» его же товарищи по авторемзаводу. Рабочие, с которыми говорил неопытный газетчик, зло отвечали в том духе, что начальству только бы придумывать почины, а ставить штампы и менять оборудование должен Пушкин. «Знаем мы эти “почины”. Месяц-другой поупираешься – и срежут расценки...»

Вернувшись не солоно хлебавши, Степан сразу позвонил Ване домой, и тот поспешил в редакцию. Не успел молодой сотрудник и рта раскрыть, как в отдел зашел Раскатов.

Он присел за ближайший к двери стол и с рассеянной улыбкой прислушивался к разговору. Ваня постукивал костыликом в пол, смотрел в окно, Степан глядел ему в затылок, а третьим в этой колонне был Раскатов.

Ваня досадливо качал головой и хмурился, выслушивая рассказ о Степановых неумелых действиях: не догадался зайти в тот же партком завода, не сообразил поговорить с секретарем райкома комсомола...

– Ну, а ты что скажешь, Сергей?

– Я-то? – усмехнулся Раскатов. – Чего тут говорить... Приходько пошел на поводу у несознательных рабочих...

– Ты что, на митинге? – поморщился Ваня.

– При чем тут митинг! Ежу понятно, что все эти «почины» – липа... Но уж если ты пошел работать в газету, то будь любезен делать свою дело!

– Выходит, штампы ставить не надо, оборудование обновлять тоже? Ты, братец, далеко пойдешь!

– Есть далеко пойти! – дурашливо козырнул Раскатов и тут же добавил: – Пардон, пардон...

На пороге стояла Ирочка Платонова, ангел в потертых американских джинсах и в белой кофточке с напускным рукавом необъятной ширины. В высокой прическе «очень небрежно и естественно» запутался кленовый листок.

– Видение! Право, видение! – Галантный, хотя не без юмора, Ваня склонил перед секретаршей свою большую лысоватую голову.

Видение соизволило всем улыбнуться и помахать пальчиками. Раскатов небрежно приобнял ангела и шлепнул его ладошкой пониже спины, на что последовало традиционное:

– Отдерни, отдерни, женихи любить не будут...

Слышно было, как за парочкой захлопнулась дверь секретариата.

Что-то никак у Степана не складывались дела. Он вымучивал материалы и так и сяк. Но дело не шло...

Однажды Слава Пухов положил ему на стол письмо из района и удалился, не сказав ни слова, фальшиво насвистывая: «Если друг оказался вдруг»...

«Дорогая редакция! Пишет вам комсомолка Надежда Самохина...» Стоп, стоп! Надежда Самохина – уж не Надька ли?!

«...По окончании школы я осталась в колхозе и пошла работать механизатором, так как вместе с мальчишками я и моя подруга Светлана Холодова получили в старших классах профессию механизаторов широкого профиля. Но бригадир тракторной бригады Парфенов Александр Иванович специально подсунил мне некомплектный старый трактор «ДТ-54» и заставил его ремонтировать. А у нас стоит без движения вполне исправный «ДТ-75», но меня к нему не подпускают... И все потому, что я не согласилась на его ухаживания. У него ведь есть своя жена. Прошу помочь мне. С уважением Надежда Самохина».

На конверте стоял адрес: село Ивановка Порубежного района. Точно – Надька! Да и Парфенов – старый знакомый, передовик, орденосец...

– Надо ехать. Да ты сам вроде оттуда? – спросил Ваня.

– Почти. Я из Старицы, а Ивановка рядом, я там кончал школу. Эта самая Надежда... Надька, считай что родня, наши матери подружки...

– Даже так?! А бригадир-то – знаменитый Парфенов! Ты там смотри, поосторожней, поговори с кем надо, в общем – обдумай, что да как.

4.

После армии Степан не видел Надьку и теперь, сидя в автобусе, пытался представить, какой она стала. Шел снег, мело. Он вошел в лес, когда

начало смеркаться. Деревья после оттепели были черны и безжизненны. Пройти надо было около трех километров. Он заметил, что ноги сами прибавляют шаг. В последние несколько лет опять расплодилось волки, а в огороды по-над речкой стали наведываться кабаны. На зеленях лежал слой снега, кое-где обозначились бороздки. На песчаной отмели ветер трепал кусты раkit. Ага, вот следы от коньков, значит, прихватило. И все же он шел, ерзая подошвами.

Вот она, Ивановка. Вдалеке чуть белеется школа, рядом сад. Здесь он учился, начиная с пятого класса. Здесь же, только лет на пять раньше, получил специальность механизатора широкого профиля, как и Надька.

Знакомый с детства дом крыт соломой, глядит на улицу двумя подслеповатыми окнами. С тех пор как Степан был тут последний раз, домишко покосился и присел. Калитку открыла простоволосая девушка. В сумерках она безмолвно окинула гостя взглядом и кивнула, отворяя двери в сенцы. А когда вошли в горницу, бывшую и спальней и столовой, Степан остановился на пороге. Болезненный хриплый голос спросил с русской печи:

– Кто там, Надь?

– Жених, кто же еще! – нарочито бодрим голосом отвечал Степан, не спуская взгляда с молодой хозяйки. У нее были припухлые подвижные губы и пепельные волосы, немудрено закрученные в гульку на затылке. Старая грубошерстная кофточка была ей к лицу. Вот тебе и Надька!

– Ты что же, не узнала? – спросил гость.

– Как не узнать, – ответила девушка вздохнув.

С печи слезла худая старая женщина.

– Божечки, да это же Степан! Степа, сынок...

И он увидел ее, но не сегодняшней, а помоложе, еще помоложе, почти молодой женщиной – то здесь, то в Старице, у себя дома. И ему вспомнился рассказ матери, как они с тетей Настей прятались в лесу, когда в село вошли немцы. Особенно врезался в память эпизод с коровой тети Насти: из ее крупных красивых глаз лились слезы, будто и она, корова, понимала, что пришла беда... А как они спасались от угона в Германию! Раздирали себе язвы на теле, обливали эти места керосином, натирали дурманом.

Старая хозяйка обняла Степана и захлопала носом, подталкивая к столу:

– Садись, садись, гостек дорогой... Мама-то как, давно не видела, болею вот...

Надя раскраснелась, но, кажется, она была немного разочарована: газетчик-то оказался знакомым, сыном тети Маруси из Старицы.

– Закусывай, Степа, бери грибочки, нынешний год страсть сколько их было. Тонька-то не вышла замуж?... Собирается? Ты заночуешь? Завтра уточку зарежу.

– Да ведь я по делу, я ненадолго...

– Ох, детки, я и забыла, пряжу надо отнести до соседки... А вы тут посидите, – встретившись со взглядом дочери, она осеклась и вышла.

– Ты бы хоть пригубила с гостем, – сказал Степан, – а то не знаю, как с тобой и говорить, с такой серьезной.

– Пряма уж и серьезная, могу и выпить. – Надя сделала пару глотков и прикрылась руками.

– Вот бы нас тут с тобой увидели, газетчик!

– Подумаешь!.. – И тут же вспомнил наказ Вани Волкова. – Ну, давай рассказывай. – Он вытащил из кармана ее письмо и блокнот.

– А чего тут рассказывать... Вызывали, угоняли: «Ты подумай, как важно и почетно в наше время девушке быть механизатором!» – Она грустно усмехнулась. – Дура была, вот и согласилась... Светка хоть сразу замуж выскочила... Попробуй, когда каждый лезет...

На подоконнике рядом с зеркальцем стояла фотокарточка парня в военной форме.

– У тебя кто-нибудь есть? – неожиданно для себя спросил Степан.

Надя, проследив за его взглядом, обиженно ответила:

– Да был тут один, писал из армии...

«О чем я говорю?! – подумал Степан. – Мне надо брать материал». – Перед глазами стояло высокомерное лицо Раскатова.

– Вот, сейчас я тебе покажу. – Надя отошла к этажерке, стоявшей возле высоко застеленной кровати. – Вот видишь, героиня чертова...

На первой странице районной газеты был напечатан портрет девушки-школьницы, а над ним шапка: «Комсомольцы остаются в родном колхозе!». И чуть меньшими буквами: «Надежда

Самохина призывает одноклассников помочь своим односельчанам».

– Видишь, здесь все есть! И честь смолоду... И трудовой героизм... И горячий порыв молодости... – И вдруг лицо у нее сморщилось, губы задрожали: – «Глупая ты девчонка, – заговорила она чужим голосом, передразнивая кого-то, быть может, того же Парфенова, – молодость пролетит и не заметишь... А со мной... А у меня ты, как у Христа за пазухой...»

Степан представил круглое лицо и оплывшую фигуру знаменитого бригадира – таким он знал его несколько лет назад.

– Нет, не могу! – вскрикнула Надя. – А тут еще и этому дураку написали, нашлись... Вот вам всем, вот, вот! – Она выхватила из рук Степана газету и стала рвать ее на мелкие кусочки, выкрикивая сквозь слезы: – Передовик! Орденоседец! У самого больная жена и трое детей, а он, старый кобель... И этот, и этот! – Она подбежала к подоконнику, схватила глянцевого красавчика в военной форме и стала его уничтожать. Обессилев, упала на кровать и разрыдалась.

Степан сидел в растерянности и разглядывал убогую обстановку комнаты – ни телевизора, ни даже радиоприемника. Правда, на полу валялся шнур антенны.

– Ладно, прости, пожалуйста... Больше не буду... Понарвала бумаги, дура!

– Да уж справилась...

– Тебе-то что, а я... а мне тут хоть вешайся... – И вдруг улыбнулась. – А помнишь, как ты нас с Фенькой чуть не утопил?

После восьмого класса тетя Настя с дочерью и с какой-то ее подругой были у них в гостях. Он усадил девчонок в свою лодчонку – покатать. Подруга свесилась за кувшинкой, Надя – в ту же сторону, наперекор, и лодка перевернулась, а вернее, выронила их обеих в воду.

– Помню, конечно, ты с тех пор не изменилась. Нет, изменилась, к лучшему...

– Скажешь тоже, к лучшему... Ты это... не надо ничего писать, скажи, что все это неправда, придумала сдуру...

– Тебе шуточки, а меня ведь специально послали.

– Какие шуточки! Он вон говорит, пиши хоть в «Правду»... Кто ты и кто я, только оно-

зорисься... – Надя помолчала и с усмешкой добавила: – Никакая я не героиня, а торчу здесь только из-за больной матери. Телевизор и тот надо полгода ремонтировать...

Степан встал, больше тут нечего делать.

– Ну и куда ты пойдешь на ночь глядя? – виновато спросила девушка. – Оставайся до утра, а то меня мамка заругает...

– Ну, если мамка заругает... Хорошо, пойду покурю.

– Кури здесь, я и сама балуюсь с подружками. – Она неумело прижгла сигарету и, затянувшись, закашлялась. Рука с длинными пальцами, на которых были коротко отрезанные ногти, подрагивала, когда она гасила сигарету о блюде.

– Ты вот спрашивал у меня, а сам не женился? – усмехнулась Надя.

– Давно бы, да невесты не найду. Ты ведь за меня не пойдешь...

– А если пойду, тогда что?!

В сенцах скрипнула дверь, вошла тетя Настя.

– Поужинали? Дочка, ты постелила гостю?

Отказаться от перины ему не удалось, хотя он и в самом деле не любил спать на мягком. Долго ворочался и все думал, думал. Надя тоже ворочалась и сдерживала вздохи.

Вспоминались ответсекретарь, Раскатов, Ирочка Платонова... Что же это происходит? Одни живут в свое удовольствие, а другие мучаются. Он и сам удрал на вольные хлеба: все эти статейки – разве это работа по сравнению с тем, что делают люди здесь? Раскатов как-то в споре говорил, что талант должен оплачиваться... Разве талант заслуга человека? Нет, о таких вещах лучше не думать. Он заставил себя прислушиваться к метели, воющей в трубе, но вспоминалось другое, то, что было связано со школой...

Вот они с друзьями стоят возле колхозной мастерской – ждут, когда выйдет из правления знаменитый на всю область механизатор Парфенов. Ему тогда было лет тридцать, но у него уже округлилась фигура. И вот Степан сидит за рычагами «НАТИ», рядом с бригадиром. Затягиваясь толстой самокруткой, Парфенов наклоном головы показывает ученику, куда и как вести тяжелую машину. Степан взмок от напряжения, от боязни ошибиться. Так, этот солдатик, этот глянцевого красавчик – инте-

ресно, здешний он или... Вот и выходит, что он, Степан Приходько, не выдержал испытательный срок... А у этого Парфенова больная жена... Чертов солдатик, чертов Парфенов, чертов телевизор... И вообще – топят дровами, живут в развалюхе, хотя посреди поселка целая улица новых домиков – все для варягов. А что же они, старая женщина, потерявшая на войне отца и брата, да и муж вернулся весь израненный и умер раньше времени... Девчонка, которая по глупости согласилась остаться среди таких, как Парфенов...

Когда он проснулся, в комнате было светло. Он не сразу сообразил, где находится. За последние два года приходилось коротать ночь и на узкой армейской кровати, и на домашней кушетке, и на редакционном диване с его острыми углами. Открыл глаза – и вспомнил, что в Ивановке, у Нади. «Видишь, как – у Нади, а не у тети Насти», – усмехнулся он над собой...

– Выспался? Рукомойник в сенцах, а то давай здесь солью, – предложила хозяйка дома.

– Ничего, я солдат! – Он взял полотенце и только тут заметил, что Надя сидит за столом в давешней серой грубошерстной кофте. Под цвет глаз, влажных, молодых... Странно, что серая обстановка комнаты как-то не отражалась на ее внешности. Они встретились взглядами, и она тут же отвернулась.

– Завтракайте, вот молочка соседка принесла, а я пойду откидаю снег, замело за ночь.

– Куда ты, мам, я сама. – Надя быстро допила молоко и накинула фуфайку.

– Да что вы, ей-богу, не мужик я, что ли? – Степан тоже быстро собрался, готовый взяться за работу.

– Еще чего! Увидят, начнут болтать, – возразила Надя.

– Ох, дочка, Степу не знают, скажешь такое... А дровец не грех бы наколоть...

На улице было солнечно. Морозец пять-семь градусов. Ослепительное деревенское утро. Степан, щурясь, взял грабарку в сенцах и пошел ею орудовать, Надя рядышком работала лопатой. Тетя Настя ходила по дворику в ожидании, пока расчистят дорожку к сараю, где, учуяв хозяйку, подавали свои голоса куры и утки.

Временами старая женщина поглядывала на молодых людей, и это им передавалось. Они

пилили дрова, потом он стал колотить чурбачки, а она носить полешки в избу.

– Гляну я на вас, да и подумаю – вот парочка была бы!

– И тебе не совестно, мам?!

– Уж и слова не скажи!..

Потом они сидели за столом молча.

Наконец, Надя встала:

– Вот и все! Мне пора в мастерскую...

– Может, и мне с тобой? Поговорю там с кем надо...

– Нет! Ни с кем тебе не надо говорить... Ты только не злись, а то я буду плакать. Или вот соберусь и уеду с тобой в город! Испугался?!

– Аж колени задрожали... Будем с тобой жить в кабинете редактора, купим керогаз! Или попросимся к ответсекретарю, есть у нас такой весельчак Слава Пухов!

Надя хмыкнула и покачала головой. В сенцах она провела варежкой по его небритой щеке и засмеялась:

– А жаль, а жаль... Прощайте, товарищ корреспондент!

5.

Прямо с автостанции Степан позвонил домой Ване Волкову. Детский голос ответил, что папа в редакции.

В сельхозотделе резались в пинг-понг Слава Пухов и Сергей Раскатов. Вокруг стола похаживал, дожидаясь своей очереди, фотокор Ватченко, высокий, сухопарый. Он был чемпионом редакции и даже котировался в местном Дворце спорта. Раскатов выигрывает у Пухова, но обязательно проигрывает Ватченко, да еще при свидетелях – на диване сидит Ирочка Платонова.

– Те же и Приходько! – прокричал ответсекретарь. – Ну и какие делишки, командировочный ты наш?!

– Играй себе, играй! – бросил ему Ваня. – Присаживайся, Степа, выкладывай.

Раскатов усмехался, уверенный, что ничего хорошего наш командировочный не привез.

Ваня отложил авторучку взял в руку костылик и принялся легонько постукивать им в пол. И тут к ним пристроился проигравший Слава.

– Что, любопытство заело, проигравший ты наш? – спросил Ваня.

Ответсекретарь, взбивая хохолок, усмехнулся:

– Как хотите...

Степан говорил, но у него было ощущение, что он выдает чужую, тайну. Как описать истощенное лицо тети Насти, клочки бумаги на полу, убогую обстановку, в которой живут эти люди. Рыдания Нади, ее лицо, когда они пилили дрова... А варежка у его небритой щеки?..

– Ты, Степан, не обижайся, нужны факты, а ты мычишь...

– Ну, как тебе объяснить: земляки – не то слово, мы почти родня, мы...

– Все мы да мы, – Ваня нетерпеливо постукивал в пол костыликом, – ты говорил с кем-нибудь, кроме нее?

Тут на Ванин столик прилетел целлулоидный шарик, стукнулся, подпрыгнул и улетел. Степан краем глаза видел недовольное лицо Раскатова: хлесткие удары Ватченко заставляли подпрыгивать на диване Ирочку.

Ваня проводил шарик взглядом, взял чистый лист бумаги и написал сверху «Надежда Самохина», повел руку книзу и, заострив прямую, написал: «Парфенов».

– Как обстоит дело с этим? Ведь главное – Это?

Степан молчал, уставившись в пол.

– Так ты и ночевал у них... А рюмочку они тебе, часом, не поднесли?

– Было немного... Я же тебе говорю – мы почти родня...

– Да, брат ты мой! А скажи, что думать по этому поводу тому же Парфенову?! Не знаю, не знаю...

И вот наконец под головой качалка старого дивана. А перед глазами – подрагивающие губы Нади, припухлые, детские губы, ее серые влажные глаза, пепельные волосы... Клочки газет, обрывки глянцевой фотографии.

Редактор пришел в половине девятого.

– Зайдите ко мне! – строго сказал он, с недовольством оглядывая брюки и рубашку Степана, развешанные на спинке стула.

– Ах ты, господи! Это я, глупая баба, виновата... Дай, думаю, выспится парень, замотался, а оно вишь как! А я тебе картошечки поджарила...

– Какая там картошка!

– Эка, дурачок! Валентин-то Иваныч, чай, не злодей какой...

Редактор выслушал Степана, не перебивая.

– Значит, она не хочет, чтобы мы это дело раскручивали, так? А вы взяли и уехали... Хорошо. А вот скажите мне: вы сможете на комсомольском собрании вашей родной школы призвать десятиклассников оставаться в колхозе? Не сможете? Почему? Да потому, что Надежда Самохина... Вот именно! Пример Надежды Самохиной показывает, чем все это кончается... А как же быть?! Вопрос-то государственный?! Ну, а бригадир наш знаменитый, он что, предложил вашей героине замужество или так – посидеть на завалинке и разбежаться, а?! – хитрые глазки редактора шарили по лицу Степана. Отвечать было нечего...

Редактор набрал междугороднюю, заказал по срочному Ивановку. Председателя не оказалось, трубку взял партсекретарь.

– ...Там у вас находится наш сотрудник... Да, да, земляк, Степан Приходько... Что?! Был, но не зашел? Какой еще самогон? Он у нас парень непьющий... Ну, заночевал у хороших знакомых, не страшно, гостиницы-то у вас нет! Что, есть Дом приезжих... Наверно, не сориентировался... Да, думаю он сейчас у матери в Старице, зайдет, обязательно зайдет, вы уж помогите ему разобраться...

Самому Степану редактор не сказал больше ни слова. Было ясно, что надо срочно ехать назад в Ивановку.

Ни председателя, ни парторга в конторе не оказалось. Бухгалтеры ушли на перерыв, зато на диване сидел в добротном кожаном кресле бригадир Парфенов собственной персоной!

– Привет представителям печати! – усмешливо заметил он и так сдал ладонь, что тот поморщился. – А ведь это мой бывший ученик, – тем же тоном продолжал бригадир, точно говоря с кем-то третьим. – Да-а, практику у меня проходил, толковый был парень, жалко – уехал искать легких хлебов... – Смеющиеся глазки Парфенова остановились на осеннем Степановом пальтеце мышинного цвета. – А мы бы ему тут и квартиру дали, и невесту подыскали. У нас тут такие принцессы пропадают – задень ее плечом, так и в «Правду» напишет... Да, у нас вон целый

поселок пустует... и «К-700» стоит на приколе, некому его обратять...

В голосе бригадира был еще и вызов, но уже появилось и добродушие – дескать, что нам с тобой делить, я, конечно, мог бы послать тебя подальше, а я, видишь, какой...

Новые домики прямо-таки заглядывали в окно правления...

– А и в самом деле, чего бы тебе не перебраться к нам, считай, что дома... Дела у тебя, слышно, не очень- то гладкие...

Степан молчал – не мог же он говорить с этим человеком о Наде...

В автобусе и по пути в редакцию думал о том, что скажет Ване. Мысленно прощался с городом.

Зато не придется больше вздрагивать при виде Славы Пухова, выносить насмешки Раскатова. Да и что он тут видел, в городе? Сидел, не разгибаясь, в редакции или названивал по телефону, собирая мелкую информацию.

Вот они; смешные фигурки на фронтоне. Бегом, через ступеньку, он взлетел на второй этаж по железной гулкой лестнице.

Посторонних в отделе не было. Степан одним махом выложил Ване все, что надумалось. Волков пригладил рукой остатки волос на своей большой голове и вздохнул, как показалось Степану, облегченно:

– Хорошо, коли так...

Публикация Л.И. и М.Н. Перовских

Николай Перовский и Николай Родичев. 1980-е годы.